Поночевный Максим Анатольевич

ТРАНСФОРМАЦИЯ УНИВЕРСАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ РАЗМЕРНОСТИ СОЗНАНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: УСЛОВИЯ, ПРЕДПОСЫЛКИ И СЦЕНАРИИ

В статье проводится анализ теоретических оснований такого феномена, как универсальная история, определены границы и смысловое наполнение соответствующего понятия в современных условиях его частого и многозначного употребления. Также рассмотрен комплекс факторов и предпосылок, определяющих сценарии трансформации универсально-исторической перспективы в наши дни.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/4-3/37.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 4 (10): в 3-х ч. Ч. III. С. 134-137. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/4-3/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Список литературы

1. **Архипов В. А., Морозов Л. Ф.** Борьба против капиталистических элементов в промышленности и торговле: 20-е – начало 30-х гг. М.: Мысль, 1978. 263 с.
2. **Бурят-Монгольская АССР за десять лет.** М. – Иркутск: ОГИЗ, 1933. 136 с.
3. **Бурят-Монгольская АССР: очерки и отчеты: 1923-1924.** Верхнеудинск: Госплан БМ АССР, 1925. 380 с.
4. **Бурят-Монгольская АССР: очерки и отчеты: 1925-1926.** Верхнеудинск: Госплан БМ АССР, 1927. 224 с.
5. **Грик Н. А.** К вопросу о роли насилия в становлении советской торговой политики: 1921-1933 гг. // Хозяйственное освоение Сибири: вопросы истории XIX – I трети XX вв. Томск, 1994. С. 155-165.
6. **Демчик Е. В.** Частный капитал в городах Сибири в 1920-е гг.: от возрождения к ликвидации. Барнаул: Алтайский госуниверситет, 1998. 238 с.
7. **Дудукалов В. И.** Развитие советской торговли в Сибири в годы социалистического строительства: 1921-1928. Томск, 1978. 220 с.
8. **Евсеев Я.** Как мы учимся торговать. М. – Л., 1925.
9. **Ленин В. И.** Доклад о новой экономической политике // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 44.
10. **Литвина В. И., Агалаков В. Т.** Частное предпринимательство в Восточной Сибири на исходе НЭПа // Россия нэповская: политика, экономика, культура. Новосибирск, 1991. С. 154-157.
11. **Национальный архив Республики Бурятия** (НАРБ). Ф. 1. Оп. 1.
12. **Там же.** Ф. 475. Оп. 1.
13. **Там же**. Ф. 753. Оп. 1.
14. **О сырьевых, мясных и хлебозаготовительных операциях в Бурреспублике**: постановление СНК БМАССР № 121 // Бюллетень ЦИК и СНК БМАССР. 1924. 10 октября. № 22.
15. **Отчет правительства Бурят-Монгольской АССР: 1928-1930 гг.** Верхнеудинск: Изд. ЦИК и СНК БМ АССР. 96 с.
16. **Потапов М. Ф.** Иркутские большевики в борьбе за восстановление хозяйства: 1921-1925 гг. Иркутск: ОГИЗ, 1949. 166 с.
17. **Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории** (РЦХИДНИ). Ф. 17. Оп. 21.
18. **Социалистическое строительство в Бурятии за 10 лет.** Верхнеудинск, 1933. 149 с.
19. **Финансовое положение Бурреспублики: годовой отчет БНКФ за 1925-1926 гг.** Верхнеудинск, 1926. 62 с.

PRIVATE TRADE IN BURYAT-MONGOLIA UNDER THE CONDITIONS OF NEW ECONOMIC POLICY: FROM LEGALIZATION TO LIQUIDATION

Anna Maksimovna Plekhanova, Ph. D. in History, Associate Professor
Institute of Mongolian Studies, Buddhology and Tibetan Studies
Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
plehanova.am@mail.ru

The author analyzes the process of the formation and development of private trade in Buryat-Mongolia during the period of new economic policy: from the legalization of private trade capital under the conditions of market relations admission till its liquidation by means of economic and administrative measures by the end of the 1920s and shows the regional features of this process.

Key words and phrases: Buryat-Mongolian Autonomous Soviet Socialist Republic; new economic policy; trade; private capital.

УДК 101.1:316

В статье проводится анализ теоретических оснований такого феномена, как универсальная история, определены границы и смысловое наполнение соответствующего понятия в современных условиях его частого и многозначного употребления. Также рассмотрен комплекс факторов и предпосылок, определяющих сценарии трансформации универсально-исторической перспективы в наши дни.

Ключевые слова и фразы: универсально-историческая размерность сознания; универсальная история; субстанциальная метафизическая установка; глобализация; глобальная история; метанарратив.

Максим Анатольевич Поночевный
Кафедра социологии, истории и политологии
Технологический институт Южного федерального университета
ponochevny8tg@mail.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ УНИВЕРСАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ РАЗМЕРНОСТИ СОЗНАНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: УСЛОВИЯ, ПРЕДПОСЫЛКИ И СЦЕНАРИИ©

Историческое сознание выполняет важнейшую онтологическую функцию, оно связывает воедино прошлое, настоящее и будущее, поддерживает неразрывность постоянства и изменения, бытия и становления.

© Поночевный М. А., 2011

Тем самым историческое сознание обеспечивает единство сознания вообще и его идентичность самому себе, не позволяя ему распадаться на цепь несвязанных временных состояний. Эта функция реализуется благодаря наделению происходящих изменений смыслом. Благодаря историческому сознанию человек, человеческие общности и человечество имеют возможность осознавать себя во времени, осмыслять и использовать опыт темпоральных изменений, объединять свои воспоминания с ожиданиями и устремлениями [7, p. 10-11].

В зависимости от того, насколько широкий временной и смысловой контекст тематизируется в каждой истории, принято разделять их на микроисторию и макроисторию. Микроистория как изначальная форма воплощения исторического сознания охватывает сравнительно небольшой временной контекст, который оформляется привнесением или поиском экзистенциально близкого смысла происходящих в его рамках изменений. Макроистория же охватывает большие временные промежутки, что позволяет ей рассматривать темпоральные изменения не в жизни отдельных людей и групп, но осмыслять опыт изменений в рамках больших общностей. Наделение этих изменений смыслом в такой модели происходит за счет его вынесения в надындивидуальную сферу. Вне зависимости от выбранной модели, формой объективации и реального воплощения исторической интерпретации выступает повествование, рассказ, нарратив. В нем повествовательными средствами текста как единого и связного целого обеспечивается необходимая связность интерпретируемым событиям. Однако всякое историческое повествование есть, прежде всего, повествование. Чтобы данная интерпретация истории стала легитимной, чтобы она была воспринята другими людьми (особенно, когда речь идет о макроистории, показывающей историю больших общностей) и рассматривалась как источник осмысления опыта, она должна иметь свое авторитетное дополнение. Это может быть ссылка на любые авторитетные и распространенные идеи эпохи, религиозные или светские, которые позволяют каждой истории в своем масштабе претендовать на легитимность в тотальном единстве человеческих целей и намерений с опытом перемен [8, p. 8]. Эта совокупность средств легитимации нарратива получила название метанарратива.

Универсальная история есть наиболее развитая форма макроистории (эти два понятия могут рассматриваться как синонимичные). Современная теория исторического сознания и историописания рассматривает универсальную историю, прежде всего, как метанарратив, делая упор на присущую макроистории особую необходимость легитимации. Также распространенным является определение универсальной истории как «великого нарратива», то есть исторического повествования, утверждающего, что именно им предложена «авторитетная схема истории вообще» [3, с. 25]. В этом случае упор делается на особый статус универсальной истории, как бы надстраивающейся над всеми отдельными микроисториями и объединяющей их цепью единого смысла. Универсально-историческая размерность сознания, обусловленная духовным развитием Европы, стала подлинным источником динамизма европейской цивилизации, она позволила смело осмыслять движение истории в формате всего человечества и таким образом даже конструировать контуры его будущего.

При этом необходимо особо отметить тот факт, что до эпохи глобализации апелляция к единому образу человечества уже происходила, тем самым единая история человечества (например, как осуществление божественного замысла или поле поступательного развития абсолютной идеи) мыслилась еще до того, как человечество стало делать шаги к интеграции.

Эмпирическую поддержку легитимности таких концепций на первом этапе давали христианские континентальные, а позже колониальные империи. Классическая имперская концепция государства, объединявшая в рамках реализации единой сакральной миссии большие гетерогенные этно-конфессиональные образования, выступала как бы «живым примером» реализации универсальной истории. Постоянная тенденция к расширению имперской интенции сознания и особые механизмы связи государственных целей со сферой сакрального и трансцендентного как нельзя лучше соответствовали универсально-исторической модели. Эта схема трансформировалась с началом глобализации в европоцентристские концепции мировой истории, которые другими средствами (например, вместо божественного замысла – идея глобального распространения «общечеловеческих» ценностей Запада) выполняли ту же цель: заменяя сложную и неодномерную картину мировой истории образом единой истории человечества (под которым фактически выступал гипертрофированный Запад), они создавали эффективный метанарратив для любых традиционно универсально-исторических схем. Например, исследователи пишут, что история незападных обществ у Карла Маркса – это «чистый холст, на который история Европы отбрасывает тень своей идентичности» [6, p. 8]. Пусть и в более совершенном виде, но ту же тенденцию воплотили и теории империализма, миросистем, модернизации. По этой причине они были подвергнуты критике за неизбежный европоцентризм.

Современная картина и формат нашего видения истории не могут быть определены однозначно. При всех оговорках, христианское осмысление истории, историческая перспектива Просвещения и европоцентристская трактовка истории как всемирного процесса утверждения западных ценностей создавали устойчивые и влиятельные макроисторические модели осмысления истории человечества. Охватывая широчайший временной и смысловой контекст, они предлагали свою схему истории всего человечества и выступали этапами исторической трансформации такого неотъемлемого элемента европейской философии, как субстанциальная метафизическая установка. Именно она обусловила универсально-историческую размерность сознания – характерный для новоевропейской культурной ситуации и обусловленный ею доминирующий способ интерпретации истории, основанный на ее единстве, целостности и смысле.

Современное осмысление той ситуации, в которой находится универсально-историческая размерность сознания, является актуальной научной проблемой для философов, историков, культурологов. Последнее десятилетие сопровождается новым всплеском дискуссий о возможности написания универсальной истории

и ее новой модели, о формате глобальной и всемирной истории, о соотношении микроистории и макроистории, истории и памяти. Важным аспектом актуальности данной проблемы выступает новый взгляд на целый ряд факторов, которые лежат в основе трансформации универсально-исторической размерности сознания. Ярко выраженная Ф. Фукуямой в конце XX века универсально-историческая схема может служить примером рефлексии о влиянии ряда этих факторов на историческую перспективу в преддверии нового тысячелетия. С позиций сегодняшнего дня в ней отчетливо просматривается не только характерный для второй половины XX века последний всплеск тенденции понимать глобальную историю мира как поле для реализации западных моделей развития, но и отразившийся постмодернистский взгляд на историю, которая не длится во времени. Фукуяма объясняет это окончанием истории, которое ее традиционную временную линеарность после достижения главной цели переводит во вневременное измерение [5].

Рассматривая состояние универсально-исторической размерности сознания сегодня и отвечая на актуальный вопрос о том, возможно ли вновь мыслить универсальную историю, необходимо учитывать следующие факторы. Во-первых, современная неоднозначная и неодномерная картина глобализации, в отличие от первых ее этапов (которые позволяли видеть в ней несомненное эмпирическое подтверждение европоцентристских модификаций универсальной истории), не оставляет места для традиции упрощения реальности и осмысления всемирной истории исключительно как истории глобального распространения западных ценностей и моделей развития. Локализация, отмеченная и в сфере исторического сознания как поиск «собственной истории», например, в рамках так называемого постколониального дискурса [1], не может игнорироваться в интересах «однобокого понимания глобализации» как интеграции по западному пути.

Во-вторых, необходимо учитывать изменения, происходящие в сфере субстанциальной метафизической установки европейского сознания. Человек, принявший на себя роль субъекта, более не стремится выявлять внешнюю (по отношению к себе) природу истории, он сам полагает ее смысл. Происходящее все чаще применение роли субъекта ко всему человечеству еще более усиливает его позиции, что едва ли позволит утвердиться в качестве бесспорной канвы и метанарративной основы новой универсально-исторической модели, построенной по принципу Большой Универсальной истории, о которой много говорят ее современные апологеты [6]. Претензии субстанциального субъекта слишком очевидны, что препятствует возможности установления такого «естественно-исторического» формата универсально-исторической перспективы. Тем не менее, если учитывать несомненные достоинства этой модели − отказ от навязывания каких-либо цивилизационно-ориентированных схем, очевидный выход на глобальные проблемы современности и междисциплинарный характер как предпосылка для новой потенциальной «парадигмы», − она может сыграть свою роль в определении рамок диалога о новом формате универсально-исторической матрицы.

В-третьих, именно диалог и конвенции становятся основой для видения универсальной истории в наши дни. Постмодернистский вызов как неприятие метанарративов вкупе с критикой тоталитарного историцизма наложили свой несомненный отпечаток на современное понимание истории. Такое активно распространенное направление, как глобальная история, пытается учесть это в осмыслении всемирной истории как продукта взаимного диалога и совместного конструирования, осуществляемого отдельными цивилизациями [2, с. 270, 337-351].

В-четвертых, анализ современных концепций, отвергающих возможность построения универсально-исторической модели интерпретации истории в силу разных причин, показывает, что даже в них универсально-историческая размерность взгляда, осмысляющего историю, не преодолена в полной мере. Ведущие свои традиции от предложенной постмодерном критики метанарративов и ризомной схемы истории современные концепции «мест памяти» П. Нора [4] и поколения школы «Анналов» не порывают в полной мере с метафизикой ценностей. Воспроизведение принципа самодостаточности нарративов и представления исторической картины как их свободной игры вне времени, так же как и модифицированный, но неизбежный для исторической науки консенсус о критериях объективности и ее поиск, имеют очевидную метанарративную природу, укорененную в изначальной необходимости до-определения и легитимации, в которых нуждается всякий исторический нарратив.

Список литературы

1. **Ионов И. Н.** Роль постколониального дискурса во взаимодействии макроистории и микроистории // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 2 (6). С. 54-56.
2. **Лубский А. В.** Альтернативные модели исторического исследования: концептуальная интерпретация: социально-философское исследование: дисс … докт. философских наук. Ростов-на-Дону, 2005. 387 с.
3. **Мегилл А.** «Великий нарратив» и историческая дисциплина // MONSTERA: философские проблемы социально-гуманитарного знания: сб. науч. ст. М.: МГТУ «МАМИ», 2004. Вып. 4. С. 22-55.
4. **Нора П.** Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас. 2005. № 2-3. С. 202-208.
5. **Фукуяма Ф.** Конец истории // Вопросы философии. 1990. № 3. С. 134-155.
6. **Christian D.** The Return of Universal History // History and Theory. The Next 50 Years: special issue on history and theory. 2010. Vol. 49. Issue 4. P. 6-27.
7. **Rűsen J.** History: Narration – Interpretation – Orientation. N.Y. – Oxford: Berghan Books, 2005.
8. **Rűsen J.** Making Sense of Time: toward a Universal Typology of Conceptual Foundations of Historical Consciousness // Time and History: the Variety of Cultures. N.Y. − Oxford: Berghan Books, 2007. P. 5-20.

TRANSFORMATION OF UNIVERSAL-HISTORICAL DIMENSION OF CONSCIOUSNESS AT PRESENT STAGE: CONDITIONS, PRECONDITIONS AND SCENARIOS

Maksim Anatol'evich Ponochevnyi
Department of Sociology, History and Political Science
Technological Institute of South Federal University
ponochevny8tg@mail.ru

The author analyzes the theoretical bases of such phenomenon as universal history, defines the borders and semantic filling of the corresponding concept under the modern conditions of its frequent and polysemantic use and considers the complex of factors and preconditions defining the scenarios of the transformation of universal-historical perspective today.

Key words and phrases: universal-historical dimension of consciousness; universal history; substantial meta-physical guideline; globalization; global history; meta-narrative.

УДК 94(438)

В статье рассматривается динамика развития польско-американских отношений во второй половине XX века. Основное внимание в работе автор акцентирует на формировании «дифференциального» американского подхода к Польской Народной Республике в 70-е годы, смене внешнеполитических приоритетов Польши в конце 80-х годов, развитию сотрудничества двух стран в рамках НАТО в 90-е годы XX века.

Ключевые слова и фразы: Польша; польско-американские отношения; внешняя политика; США; НАТО.

Оксана Викторовна Пустогвар
Кафедра мировой политики
Санкт-Петербургский государственный университет
op1106@mail.ru

ПОЛЬСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА©

Еще в послевоенный период рядом советских исследователей, проводивших анализ внешней политики США в отношении социалистических стран, отмечалось, что Восточная Европа постоянно занимала важное место во внешнеполитической стратегии США. Отмечалось, что на протяжении всего периода холодной войны цели внешней политики США по отношению к восточноевропейским странам оставались неизменными. При этом происходило обновление и приспособление конкретных форм и методов проведения этой политики к меняющейся международной обстановке. Исследования основных направлений внешней политики США в Восточной Европе показали, что важнейшим компонентом этой политики был целенаправленный курс на формирование особых отношений с Польшей – как с точки зрения их приоритетности, так и в плане специфики используемых средств и методов.

При разработке и проведении такой политики США исходили, во-первых, из особенностей социально-экономического развития Польши, связанных с тенденциями развития антисоциалистического движения, индивидуализмом некооперированного крестьянства, значительным распространением национализма среди польского населения и его религиозностью. Во-вторых, они учитывали, что Польша занимает ключевое место по численности населения, территории и экономическому потенциалу среди социалистических стран. В-третьих, Вашингтон принимал во внимание тот факт, что в США проживают несколько миллионов граждан польского происхождения, которые поддерживают разносторонние контакты с Польшей и тем самым влияют на формирование там общественных настроений.

Важнейшим событием послевоенного периода стал первый визит американского президента за всю историю двусторонних отношений Польши и США. Большое значение имел и тот факт, что визит Р. Никсона в 1972 году состоялся сразу же после его визита в СССР, в ходе которого были подписаны документы, положившие начало новому этапу в советско-американских отношениях. В области международных отношений чрезвычайно важными явились положительная оценка США окончательного признания границы по Одеру и Нейсе и заявление о том, что отношения между Польшей и США должны основываться на «принципах территориальной целостности и неприкосновенности границ, невмешательства во внутренние дела, уверенного равенства, независимости и отказа от применения силы» [8]. В совместном коммюнике по итогам встречи руководителей двух стран США также выразили намерение активно участвовать в подготовке Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе.

В ходе визита американского президента была подписана консульская конвенция. США взяли на себя обязательство «конструктивно рассматривать дальнейшие шаги, ведущие к увеличению двустороннего

© Пустогвар О. В., 2011